

Свой взгляд

Начало, как всегда, было обнадеживающим и многообещающим. Гласность, демократизация, плюрализм мнений — это ли не то, чего нам так не хватало в нашей прежней, сплошь регламентированной жизни? А теперь даже народные избранники, выступая в Верховном Совете, не всегда соблюдают регламент. Чего требовать от остальных? Но это же хорошо, если нет жесткого регламента: человек обрел свободу, а свободный человек должен быть счастливым. Эта точка зрения типично наша, отечественная: ведь мы ж не «слабого единым» (потому что хлеб — единственный недефицитный пока товар), нам свобода духовная нужна, а остальное приложится, не привыкать.

А как загорелись тогда, вначале, глаза и сердца людей театра! Да и могло ли быть иначе? Ведь театр — кафедра, с которой можно сказать людям добра (по Гоголю)! И если даже в незапамятные «застойные» годы театр был чуть ли не единственной «отдушиной», то как же должно расширяться его воздействие теперь, когда...

Аппетит приходит во время еды, а еда оказалась вдоволь. Знаменитая театральная реплика «Кушать подано!» открыла широкие перспективы и обнаруживает непреходящую самоценность. Кушать подано, товарищи! Приятного аппетита!.. Как оказалось, последнее замечание — не простая вежливая формальность или формальная вежливость, — оно по-своему глубоко и мудро. Когда еда в обилии и аппетит хорош, это всегда приятно. Но когда уже сыт по горло, а аппетит — от долгого воздержания — все еще есть, это чувство, приятное не совсем. И видит око, да зуб неймет. А потом «насыщается» и око. И тогда приходит апатия. А кушанья все подаются и подаются. И встать из-за стола нельзя. Если кушать подано — надо кушать.

Театральная жизнь столицы продвигается своим чередом. Ее нельзя упрекнуть ни в чрезмерной удачливости, ни в отсутствии оной. Умеренные отзывы критики перемежаются с восторженными и уничтожающими. Публика, как обычно, получает причитающуюся ей долю положительных и отрицательных театральных эмоций. Жизнь многих актеров стала материально благополучнее и существенно обогатилась загранично-гастрольными впечатлениями. Число театров бесконечно возросло, и сводная афиша утра-

тила способность вмещать в себя репертуар всех существующих в Москве театральных коллективов...

Раньше, в тяжкие времена застоя, было такое понятие: «театральный бум». БУМ, БАМ, ГУМ, ГАМ — все смешалось в доме Облонских. «Бодоразделом» стала улица Горького, в районе Пушкинской площади. С одной стороны, у бывшего здания «Московских новостей» — тусующаяся толпа, шумно переваривающая последние политические события; с другой — строгая, полная молчаливого достоинства бесчисленная очередь за американским бу-

роиней «Романа...» — Тамарой Полузковой — в пионерлагере с такими же, как и она, пионерожатыми, у М. Розовского выливается в огромную, переполненную сальностями сцену «общения» Тамири с пионерами. Перечислять подобные режиссерские «издержки» нет необходимости — в спектакле их много, они очевидны, и к финалу переставешь этому удивляться. Удивляет другое — восторженный зал и бурные аплодисменты, чуть ли не переходящие в эвацию. Публика аплодирует, а это главное. И неважно, чему аплодирует, — искус-

ству. «Беспольное искусство» имеется также, и это чуть ли не единственное, что оставляет повод для надежды. «Беспольное искусство» — это виртуозная игра О. Борисова в «Павла I» (ЦАТСа; реж. А. Хейфец); это яркое представление «Гуд бай, Америка!» в МТЮЗе, созданное Г. Яновской и одаренной молодежью театра; это театр-кабаре «Летучая мышь» (руководитель Г. Гурвич), имеющий «капустническую» направленность и работающий в жанре политической сатиры (тоже ныне беспольной); это экспериментальные спектакли Москов-

АПАТИЯ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ СЕРАИТОГО КРИТИКА

тербродом фирмы «Макдональдс». Вот мизансцена, заслуживающая внимания: она и жизненна, и гротескна, и конкретна, и метафорична.

Что ж, это нормально: каждому времени — свой театр. Если вся страна с неподдельным сопереживанием на протяжении нескончаемого времени следит за острой драматургией депутатских дискуссий, где — по идее — все происходит по-настоящему и всерьез, то нельзя ждать такого же эффекта единения зала со сценой и в театре, где и актеры, и зрители знают наверняка, что являются всего-навсего участниками игры, максимум пользы от которой заключается в поднятии собственного настроения.

К такой ситуации каждый приспособливается по-своему. Можно позавидовать, например, тому, как удаётся это сделать театру-студии «У Никитских ворот» под руководством М. Розовского. «Роман о девочках» — спектакль, поставленный Розовским по своей инсценировке одноименной прозы Высоцкого. Написанный Высоким неприязнательно и легко, без смакования, так сказать, «низких» подробностей, «Роман...» в театре «У Никитских ворот» превращается в нечто громоздкое, претенциозное и почему-то очень пошлое. Так, мимолетный рассказ о первых и вполне невинных вечерах, проведенных ге-

ву театра или имени Высоцкого, чей «Роман...» она, может быть, даже и не читала.

Удовлетворять запросы публики можно, впрочем, по-разному. Нашумевший в прошлом сезоне лексикомский «Мудрец» в постановке М. Захарова вряд ли является произведением высокого искусства — слишком очевиден в нем расчет на потребительски настроенного зрителя. В спектакле есть «политика», есть голое тело — иначе говоря, все, что нужно сегодня обывателю. Но в отличие от спектакля Розовского «Мудрец» — это высококлассная режиссура, впечатляющая сцениграфия и великолепная актерская игра.

Признанные режиссеры, имеющие стабильную репутацию, предпочитают сегодня лучше не рисковать, но делать то, что примется публикой наверняка. Тем более что сейчас сцена попадает во все большую зависимость от коммерции: сказывается влияние идеологии кооперативов. Искусство начинает зарабатывать деньги, то есть приносить весьма ощутимую пользу его творцам. С одной стороны (для творца), это хорошо, с другой — можно вспомнить слова О. Уайльда о том, что всякое искусство совершенно бесполезно.

Я не утверждаю, что все, существующее в нашем нынешнем театре ориентировано только на выго-

ского молодого театра на Красной Пресне Ю. Погребенничко и «Творческих мастерских» СТА РСФСР (режиссеры — Клим, В. Космачевский — младший, А. Пономарев, М. Мокеев, Саша Тихий), «Беспольное искусство» — это искусство, которое не приспособляется ни к коммерции, ни к политике, ни к публике.

Разделение искусства на «полезное» и «беспольное», конечно, очень условно, крайне субъективно и, может быть, даже излишне и бесполезно. Важно то, что театральные события утратили статус, приличествующий действительно СОБЫТИЮ.

Время, в котором живут, не выбирают. Имея в виду развитие сценического искусства, можно лишь посоветовать на то, что нынешнее время не слишком для театра благоприятное. Лидерство политики бесспорно во всех областях нашей сегодняшней жизни. С политикой, решающей конкретные насущные вопросы, которых накопилось не впрокорот, искусство соперничать не может. Да и не должно. Но очень хочется, чтобы поскорее наступило время, когда искусство в целом и театральное в частности, из вторичного продукта превратится в первичный. И во время еды вместо апатии придет наконец аппетит.

Юрий АНТЕР.